
О.А. Александрова

**БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ И НЕРАВЕНСТВОМ:
МИФЫ И АКСИОМЫ**

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук,
заместитель директора ИСЭПН РАН по научной работе;
профессор кафедры прикладной социологии Финансового университета
при Правительстве РФ.

Набирающий обороты кризис все серьезнее сказывается на уровне жизни населения России: сокращается число домохозяйств, располагающих хотя бы минимальными сбережениями; растет количество бедных; судя по падению объемов продаж, население стало экономить даже на лекарствах; регионы массово переводят категориальные социальные трансферты в разряд адресной помощи с одновременным ужесточением требований для ее получения. При этом одним из основных направлений борьбы с кризисом объявляется сокращение бюджетных расходов – отказ от индексации зарплат бюджетников; заведомое занижение размера индексации пенсий; неоднократный секвестр бюджета, включая социальные статьи. К росту числа бедных ведут противоположно направленные процессы: с одной стороны, консервация прежнего уровня доходов либо их снижение на фоне явной или скрытой безработицы, с другой – резкий рост стоимости жизни, обусловленный не только инфляцией, но и коммерциализацией социальной сферы, принуждающей платить за самое элементарное. Причем к бедным, по российским меркам, относят лишь домохозяйства с подушевым доходом ниже прожиточного минимума. Между тем в европейских странах бедными считаются семьи с подушевыми доходами ниже определенной доли от медианного дохода, т.е. уровень жизни семьи соотносится со средним уровнем жизни в стране, а не с гранью, за которой – лишь выживание.

Наряду с ростом бедности снижение доходов основной массы населения усугубляет избыточное неравенство между отдельными его группами, масштабы потерь от которого довольно заметны.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В середине 2000-х годов в ИСЭПН РАН на основе анализа многолетней статистики и математического моделирования были выявлены взаимосвязи экономического неравенства с другими экономическими (темпы роста ВВП, объем инвестиций) и социальными (коэффициенты рождаемости и смертности) показателями по России в целом и по полной совокупности российских регионов¹. Поводом для обширного эконометрического исследования стал тот факт, что, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, социальная поляризация продолжает нарастать и, соответственно, средние показатели роста доходов не отражают реальной картины благосостояния различных слоев населения. При этом было очевидно, что причина – не в недостатке ресурсов, а в дефектах институционального характера: среднегодовой темп роста реальных доходов наиболее обеспеченных жителей в 2000-е годы на 24% превышал темп роста ВВП. Это свидетельствовало о наличии у них институциональных преимуществ, позволяющих получать основной выигрыш от экономического роста². В подобной ситуации решение проблемы неравенства логично искать в плоскости распределительных отношений. В упомянутом исследовании изучалось влияние на уровень каждого из видов неравенства, а также на темпы экономического роста, коэффициенты рождаемости и смертности трех комбинаций подоходного налогообложения и социальных трансфертов, подтягивающих доход малообеспеченных групп населения до порогового уровня, с которого обеспечивается полноценное исполнение инвестиционной и репродуктивной функций и снижается смертность. При этом во всех случаях коэффициент дифференциации доходов снижался до 7–10, а налоговые нагрузки затрагивали только высокодоходные группы населения и, что важно, не выходили за пределы ставок налоговой прогрессии, которые применяются в развитых странах Запада.

Расчеты показали: если бы в 2000–2006 гг. реализовывался любой из этих вариантов перераспределения доходов, то к 2006 г. (моменту проведения исследования) российский ВВП был бы более чем удвоен (по отношению к ВВП 1999 г.) и был бы выше фактического на 30–53%. Выявленные закономерности (снижение избыточного неравенства на 1 пункт индекса Джини повышает темп экономического роста на 1,87 п.п., а темп роста объема

---

1. Подробно о методологии и результатах исследования см.: [2].

2. Доходы наиболее обеспеченных групп населения подвергаются меньшей налоговой нагрузке, так как большую часть составляет не заработная плата, а рентные доходы, дивиденды и т.п., а для высоких зарплат применяется регрессивная шкала отчислений во внебюджетные фонды. В итоге, если большинство россиян должны отдать в налоги (включая социальные отчисления) почти половину дохода, то их богатые сограждане – в лучшем случае 13%.

инвестиций – на 3,6–3,8 п.п.) позволяют экстраполировать полученные оценки объемов экономических потерь и на прошедшее с тех пор десятилетие.

В части же влияния поляризации доходов на демографическую динамику анализ показал: даже при продолжении экономического роста, но неизменной степени неравенства, комбинация коэффициентов рождаемости и смертности приведет к снижению численности населения России к 2050 г. до 124 млн человек. В случае же, если бы рост реальных доходов был дополнен мерами по снижению неравенства за счет перераспределения доходов путем введения вполне умеренной налоговой прогрессии на доходы, превышающие среднедушевой уровень, численность россиян к 2050 г. могла бы возрасти до 158,7 млн человек. И наконец, если бы рост доходов на фоне экономического роста дополнялся снижением неравенства, причем за счет не только перераспределения доходов, но и дополнительных государственных дотаций (компенсация доходов ниже половины среднедушевого уровня), то численность населения России к 2050 г. возросла бы до 161,3 млн человек. И это – не фантастика, а эффекты социальной психологии: связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями и вытекающими из них установками. Как показывают исследования, сегодня репродуктивные установки зависят не столько от дохода домохозяйства в абсолютном выражении, сколько от его соотношения со сложившимися в обществе стандартами потребления, т.е. от уровня неравенства. И к сверхсмертности населения приводит комбинация факторов, прямо или косвенно связанных с низким, относительно других слоев, уровнем доходов: это и хронический стресс, порожденный переработками и неуверенностью в завтрашнем дне, и отсечение от адекватной медицинской помощи, и социальные болезни. Таким образом, неблагоприятная ситуация с рождаемостью и сверхсмертностью напрямую связана с относительной бедностью и избыточным неравенством: так, регрессионный анализ показал, что снижение избыточного неравенства на 1 пункт индекса Джини повышает коэффициент рождаемости примерно на 2 п.п. и понижает коэффициент смертности примерно на 3 п.

Но вернемся в день сегодняшний. Непопулярные меры (бюджетные рестрикции, снижение объема социальных прав граждан) объясняют ограничением возможностей бюджета, вызванным падением цен на основной российский экспортный товар и западными санкциями, отсечением российских хозяйствующих субъектов от дешевых западных кредитов. При этом использование вместо шагов, ведущих к дальнейшему сжатию спроса и усугублению рецессии, такой очевидной меры, как включение механизмов перераспределения доходов, правительством отвергается. Как следует из

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

соответствующих документов и выступлений³, переход с плоской на прогрессивную шкалу НДФЛ объявляется преждевременным, а потому обсуждение этой меры переносится, предположительно, на период после 2018 г. – когда, как утверждается, российская экономика вернется на траекторию роста, чему призван способствовать нынешний режим жесткой бюджетной экономии. При этом подразумевается, что при возобновившемся экономическом росте проблемы масштабной бедности и избыточного неравенства решатся сами собой.

Таким образом, под предлогом бюджетного дефицита вновь продвигается неолиберальная идея о социальных расходах как «удавке на шее» экономики и используется метафора «большого пирога»: только освобождение государства и бизнеса от «излишних» социальных повинностей позволит создать гораздо больший «пирог», в результате чего и самым бедным группам населения достанется «кусочек» побольше. Однако все эти утверждения (о нехватке у государства средств, о социальных расходах как препятствии для создания «большого пирога», который автоматически сделает всех сытыми) – не более чем мифы. Остановимся кратко на каждом из них.

Миф о социальных расходах как тормозе экономического роста. Известно, что на Западе первая серьезная атака на социальное государство, произошедшая в 1970-х годах в Великобритании, основывалась на утверждении: обеспечение государством высококачественных социальных услуг стоит больше, чем может себе позволить экономика. В «Белой книге государственных расходов» – докладе, изданном в 1979 г. пришедшими под руководством М. Тэтчер к власти консерваторами, – так и говорилось: «Государственные расходы – корень проблем британской экономики»⁴. Тут же последовал и ряд конференций, основным лейтмотивом которых было утверждение «социальная политика создает препятствия для экономического роста»⁵.

Однако проведенная вскоре серия авторитетных международных исследований на базе стран, входящих в ОЭСР, этого отнюдь не подтвердила. Во-первых, выяснилось, что тема «кризиса социального государства» наиболее громко звучала в США и Великобритании, хотя эти страны и до экономического кризиса начала 1970-х годов не имели высокого уровня социальных расходов, более того, они тратили на соцобеспечение меньше других стран ОЭСР. Тем не менее именно там были произведены наиболее существенные сокращения социальных расходов. Причина, как показало исследование

---

3. Медведев считает сложным вопрос об изменении шкалы НДФЛ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20160328/1398721472.html> (Дата обращения: 14.11.2015.)

4. *The Government's Expenditure Plans, 1980–81.* – L.; HMSO. – P. 1.

5. *OECD, the Crisis of Welfare, Paris, France: OECD, 1981.*

Р. Мишры, крылась исключительно в идеологических пристрастиях политических сил, пришедших в тот момент к власти. В США и Великобритании в это время правили партии правой ориентации; там же, где сформировались центристские или левоцентристские правительства (Канада, Австралия), сокращение расходов на социальное обеспечение было заметно меньшим; еще меньшим – в социал-демократических (Швеция и др.) и корпоративистских (Германия, Франция и др.) социальных государствах [5].

Во-вторых, установить негативную связь между масштабами социального обеспечения и эффективностью экономики не удалось ни при попытках найти прямые корреляции между темпами экономического роста и объемом государственных расходов, ни при поиске факторов, воздействующих на ситуацию в экономике опосредованно (налоги, занятость и т.п.). Среди стран ОЭСР обнаружили примеры хорошо и плохо функционирующих экономик как с относительно высоким, так и с относительно низким уровнем социальных расходов государства. Отсюда был сделан вывод, что связь между масштабом расходов на соцобеспечение и экономическим ростом – гораздо сложнее, нежели ее трактуют неолибералы; значит, расходы на социальную сферу не есть та «непозволительная роскошь», от которой с наступлением трудностей в экономике следует отказаться. И другой вывод: на развитие экономики гораздо больше влияет не объем расходуемых на социальное обеспечение средств, а специфика его организации. Главное здесь – насколько эффективно она открывает для населения – прямо либо опосредованно – возможность приобретать продукцию производительного сектора экономики (расширяя тем самым его рынки и таким образом способствуя экономическому росту), и в какой мере обеспечивает реальный сектор рабочей силой, чей производительный труд также способствует росту [8]. Наконец, расходы госбюджета на социальные статьи (здравоохранение и т.п.) при их разумном и добросовестном использовании на самом деле являются инвестициями, причем не только в человеческий капитал, но и в различные отрасли реального сектора экономики, связанные со строительством, оснащением и обслуживанием учреждений социальной сферы [7].

Сегодня в развитых странах Запада хорошо понимают, что массовый платежеспособный спрос при надлежащей защите внутреннего рынка – важный драйвер экономического роста. Не случайно во время последнего финансового кризиса расходы на социальную сферу в среднем по странам ОЭСР увеличились с 19% ВВП в 2007 г. до 22,1% ВВП в 2009 г. (пик кризиса)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

и с тех пор не снижались, хотя показатели самого ВВП имели тенденцию к снижению⁶.

Миф о прогрессивном налоге как тормозе экономического роста. О центральной теме, вокруг которой ломаются копья, – прогрессивной шкале налогообложения – можно сказать: практически все доводы противников налоговой прогрессии и высоких ставок налогов на доходы наиболее обеспеченных слоев не находят эмпирического подтверждения. Современная неолиберальная критика этого важнейшего механизма перераспределения доходов строится по следующим направлениям. Во-первых, утверждается, что прогрессивное налогообложение резко усиливает мотив уклонения от налогов. Однако известны страны с высокими налогами, но масштаб уклонения от них там отнюдь не выше, чем в странах с менее высокими налогами. Кроме того, данные опросов говорят о том, что для большинства людей важнейшим мотивом уклонения от уплаты налогов является неверие в добросовестное, солидарное поведение остальных налогоплательщиков. На самом деле факторами законопослушности граждан в налоговой сфере являются способность государства установить справедливые (соразмерные) налоги; обеспечить их неукоснительную уплату всеми без исключения; заручиться поддержкой граждан в отношении того, на что расходуются их налоги, сформировать у налогоплательщиков уверенность в том, что государство выполнит свои обязательства [6].

Во-вторых, по утверждению неолибералов, прогрессивная система налогообложения мешает не столько богатым, сколько тем, кто стремится ими стать, она якобы выступает как антистимул для экономической инициативы. Однако пример Швеции, успешно конкурирующей с гораздо более либеральными версиями европейских социальных государств, говорит о том, что прогрессивный подоходный налог никак не мешает экономической эффективности. Более того, как пишет Тейлор-Губи, если руководствоваться изложенной выше логикой либеральных критиков прогрессивного налогообложения, то два эти довода (об усилении уклонения от налогов и о препятствовании экономическому росту), будучи высказаны одновременно, явно противоречат друг другу. Действительно: либо прогрессивное налогообложение, способствуя уклонению от налогов и тем самым оставляя на руках у граждан больше средств, увеличивает общую экономическую активность, либо оно ей препятствует – но тогда надо каким-то образом объяснить экономически эффективную «шведскую модель» [8, с. 57–58]. В то же время сторонники прогрессивного налогообложения достаточно наглядно доказы-

---

6. OECD, *Social Spending During The Crisis*, Paris, France: OECD 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/.../OECD2012SocialSpendingDuringTheCrisis8pages.pdf

вают, что вкупе с налогом на роскошь и льготным налогообложением корпоративного сектора налоговая прогрессия на доходы и имущество усиливает два фактора роста: содействует расширению массового платежеспособного спроса и стимулирует перенаправление средств высокодоходных групп с эксклюзивного потребления на инвестиции в производственный сектор [7].

Тем не менее в середине 1980-х годов с новой силой зазвучали идеи о том, что рациональная стратегия заключается в сокращении уровня налогообложения до пределов, поощряющих индивидов к более усердной работе, а это вызовет рост экономики, рост доходов, доступных для налогообложения и в конечном итоге – рост государственного бюджета [3]. Идеи Лаффера были подхвачены его европейскими единомышленниками: «Мы должны позволить богатым быть богаче... не потому, что чрезвычайное неравенство оправдано само по себе, а потому, что самый элементарный реализм обязывает нас видеть, что вне определенных пределов любая политика, состоящая в отнимании у богатых ради того, чтобы отдать бедным, приводит к такому эффекту, который делает последних еще беднее. Они теряют больше из-за снижения ВВП, связанного с негативным эффектом от роста перераспределительного налогообложения» [7, с. 74]. Ссылаясь на теорию Лаффера, правившие в США и Великобритании неолiberaлы изменили фискальную политику, существенно снизив налоги на высокие доходы. Так, глава британского Министерства финансов, внося в парламент проект бюджета на 1988 г., утверждал: «Чрезмерный уровень налога на доходы разрушает предприимчивость, поощряет уклонение и преследует талант... В результате в реальности дополнительные государственные доходы растут меньше. Напротив, снижение верхних уровней подоходного налогообложения может привести к более высоким сборам в казну» [8, с. 59].

На первый взгляд, практика как будто бы подтверждала верность идей Лаффера: после того как верхний предельный уровень налога снизился в Великобритании в 1979 г. с 83 до 60% (были введены и иные фискальные послабления в пользу самых обеспеченных), доля налоговых поступлений от 5% наиболее высокооплачиваемых налогоплательщиков выросла в 1979–1986 гг. с 24 до 27% всех налоговых доходов. Однако в целом государственный бюджет недосчитался 6 млрд фунтов, хотя апологеты теории Лаффера предсказывали, что политика «усиления стимулов» приведет к 8%-ному росту государственных доходов. Кроме того, более детальный анализ выявил, что рост доли налогов, уплаченных наиболее высокодоходными налогоплательщиками, объясняется не усилением интенсивности экономической деятельности, а ростом неравенства доходов: в условиях серьезных налоговых послаблений для богатых их доходы росли гораздо быстрее, чем доходы остальных налогоплательщиков [4, с. 31].

Несостоятельность претензий экономического характера вынуждает неолиберальных критиков прогрессивной системы налогообложения переходить к возражениям чисто идеологического плана, а именно: прогрессивное налогообложение мешает реализации индивидуальной свободы. Логика незатейлива: перераспределение доходов является экономической базой социального государства, последнее же своей заботой подрывает способность граждан к самостоятельному выбору жизненной стратегии и тем самым усиливает их зависимость от государства. Однако реальная практика оказывается не на стороне противников налоговой прогрессии. Как пишет Б. Ротштейн, подобный упрек следует адресовать селективной модели, ибо присущая большинству программ в рамках этой модели проверка нуждаемости как раз и создает долгосрочную зависимость реципиентов от бюрократических требований к их образу жизни и т.д. Универсальные же социальные программы, автоматически распространяясь на всех граждан, напротив, увеличивают автономию и самоуважение гражданина. Действительно: какая модель предоставляет больше возможностей неполным семьям – та, где в отсутствие доступных дошкольных учреждений мать не может полноценно трудиться и сидит дома на мизерном пособии, или же та, где дети устроены в субсидируемые государством дошкольные учреждения, а мать полноценно трудится, внося свой вклад в общественную «копилку»? [6, с. 23].

Стоит коснуться еще одного из основных инструментов снижения избыточного неравенства – налога на наследование. Как известно, в России с 2006 г. этот налог вообще отменен. Заметим, что какую бы модель социального государства – социал-демократическую, корпоративистскую или либеральную – мы ни взяли, везде этот налог взимается с прогрессией и высокими ставками налогообложения для наследства большого размера (до 50% и выше). Такой консенсус по поводу налога на наследование в современном, ориентированном на выравнивание жизненных шансов обществе, вполне естественен. Еще Дж.Ст. Милль, определив собственность как право человека «на свои способности, на то, что он может произвести с их помощью, и на что бы то ни было, что ему удастся выручить за произведенные им товары путем честного обмена», заключал, что «право наследования в отличие от права оставления наследства не входит в понятие частной собственности». В силу этого оправданность передачи собственности по наследству Милль признавал только в отношении детей, да и то лишь в рамках их умеренного обеспечения, рекомендуя устанавливать предел тому, что человек «может обрести просто по милости других, без какого-либо применения своих способностей» [1, с. 366, 376]. Он признавал глубинную несправедливость современного ему общественного порядка и подчеркивал, что «общественное устройство современной Европы берет начало из распределения собственности, которое было результатом не справедливого раздела или приобретения

посредством усердия, а завоевания и насилия». Милль подчеркивал, что, если неизбежным следствием института частной собственности становится распределение продуктов труда, «находящееся почти в обратной пропорции к труду, так что наибольшая доля достается людям, которые вовсе никогда не работали, несколько меньшая доля – тем, работа которых почти номинальна, и так далее по нисходящей», то тогда «все затруднения коммунизма, большие или малые, не более чем песчинка на весах» [1, с. 349]. Таким образом, не будучи принципиальным противником частной собственности, Милль указывал, что «главной целью стремлений при нынешнем состоянии человеческого развития является не ниспровержение системы частной собственности, но ее улучшение и предоставление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах» [1, с. 360–361]. Он подчеркивал, что «в отличие от законов производства, ... распределение богатства всецело является делом человеческого учреждения... и зависит от законов и обычаев общества. Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делают мнения и желания правящей части общества, и весьма различны в разных странах...» [1, с. 337–339].

Миф об экономическом росте как способе избавления от бедности и неравенства. Используя метафору «большого пирога», Б. Ротштейн пишет: «Конечно, большой пирог лучше маленького, но остается вопрос о том, как его будут делить. Даже если абсолютный размер кусочка, выделяемого наименее обеспеченным группам, и увеличится, останется вопрос о его относительной величине в сравнении с другими социальными группами». Так, несмотря на то что в середине 1980-х годов США имели более высокий и более стабильный экономический рост, нежели большинство европейских стран, и, кроме того, более низкий уровень безработицы, доля американских домохозяйств, находящихся в бедности, была вдвое больше, чем в любой из европейских стран [6]. Таким образом, теория о том, что общий экономический рост избавляет общество от бедности – безотносительно к действующим в обществе механизмам перераспределения – эмпирически не подтверждается. На это же указывает и наш собственный опыт: «тучные» 2000-е годы не избавили Россию от бедности и не устранили избыточное неравенство.

Миф об усилении адресности как способе преодоления бедности и неравенства. На самом деле, упор на адресный характер поддержки малоимущих (вместо эффективного универсального соцобеспечения) не является действенным способом преодоления бедности и неравенства. Так, США и Швеция являются странами, лидирующими по числу неполных семей, но с точки зрения эффекта, который на положение таких семей оказывает реализуемая в них модель социальной политики (универсальная в Швеции и селективная в США), эти страны находятся на противоположных полюсах. Статистика свидетельствует: риск провалиться в бедность для неполной семьи с детьми

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

в США в 12 раз выше, чем в Швеции, а выбраться – существенно сложнее [6]. Из подобной статистики Ротштейн делает вполне резонное заключение: «На часто задаваемый вопрос, стоит ли цена, уплачиваемая за реализацию универсальной социальной политики, того, чтобы решалась лишь малая толика проблем, можно дать эмпирический ответ: другой метод – селективный – похоже вовсе не помогает бедным, скорее имеет тенденцию ухудшать их положение» [6, с. 23]. Важно и другое: если в универсальных социальных государствах общественная дискуссия сфокусирована на вопросах улучшения качества общедоступного здравоохранения, образования и т.д., то в селективных – на том, кого признавать нуждающимся, какой минимум средств ему выделить, как минимизировать мошенничество со стороны реципиентов и бюрократический произвол со стороны чиновников системы соцзащиты.

Миф о неизбежности социальных обязательств. В выступлениях представителей российской власти традиционно подчеркивается, что, в отличие от зарубежных соседей, Российское государство не снижает своих социальных обязательств. Но, во-первых, как уже было сказано, в самые пиковые кризисные годы в среднем по странам ОЭСР происходил рост социальных расходов, и статистика ОЭСР даже указывает на снижение бедности среди граждан старше 65 лет⁷. Да, были страны – Венгрия, Греция, Португалия, Испания, – в которых социальные расходы несколько снизились, но какие основания сопоставлять эти страны и Россию с ее потенциалом, включая природные богатства? Во-вторых, важен уровень социальных обязательств, с которого в одном случае, допустим, происходит снижение, в другом – все остается неизменным. Так, еще при сверхвысоких ценах на нефть и до введения санкций Россия тратила (по ППС) на одного учащегося начальной, средней школы и последующих ступеней образования, за исключением высшего, более чем в 2 раза меньше, чем в среднем по странам ОЭСР, а с учетом высшей школы наши расходы на образование – одни из самых низких среди стран ОЭСР и «Большой двадцатки»⁸. Аналогично – в здравоохранении: если в развитых странах на него расходуется минимум 7,5% ВВП, то в России – вдвое меньше. Как заметил академик РАМН С. Колесников: «А вы сравнивали, с какого уровня хотите снижаться вы, и с какого чуть-чуть снижается Европа? Европа – с 4–6 тыс. долл. на человека в год – столько там тратится

---

7. OECD, *Pension at a Glance 2013: OECD Indicators*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/pensions/pensionsataglance.htm

8. OECD, *Education at a Glance 2013: OECD Indicators*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2013_eag-2013-en

на здравоохранение, а мы – с 600 долл. в год»⁹. Постоянно происходит снижение – как размера выделяемых средств, так и объема бесплатно предоставляемых услуг образования, здравоохранения, социального обслуживания¹⁰.

Миф о недостаточности средств. И, наконец, регулярно звучащий постулат о «существенной нехватке» бюджетных средств. Именно он служит обоснованием секвестра расходных статей и выдвижения разнообразных «инициатив», направленных на снижение социальных прав граждан: сокращение гарантированного объема бесплатных услуг; расширение спектра услуг, предоставляемых на условиях проверки нуждаемости; повышение пенсионного возраста; отмену различных надбавок, связанных с работой в тяжелых и вредных условиях и т.д.

Существуют две причины, в принципе не позволяющие заведомо согласиться с утверждением о «нехватке» средств. Причина первая: сложившийся за почти четверть века государственно-политический механизм с фактическим отсутствием разделения властей, реального парламентского контроля, выборной состязательности и т.п. не позволяет даже экспертам быть уверенными в полноте и достоверности информации об имеющихся у государства ресурсах и степени добросовестности распоряжения ими. Поступающие время от времени отрывочные сведения говорят лишь о явном отсутствии надлежащего порядка и высоком уровне волонтаризма.

Вторая причина связана с тем, что сегодня в России не используются те инструменты, которые в социальных рыночных экономиках прямо и опосредованно способствуют наполнению казны и препятствуют оттоку капитала из страны:

а) в стране уже второй десяток лет под надуманными предложениями сохраняется плоская шкала НДФЛ, регрессивная шкала для социальных отчислений, мизерные налоги на доходы от капитала и финансовых операций, нулевой (вместо прогрессивного) налог на наследование и дарение;

б) в течение десятилетий бюджет не получает налоговых доходов в силу чрезвычайной офшоризации российской экономики (4/5 активов крупного бизнеса, производящих более 80% ВВП, зарегистрировано в офшорах¹¹). Между тем и здесь есть давно апробированные зарубежной практикой инст-

---

9. Виноградов Л. Ярославская «оптимизация»: Семь родоводов закрыто, умерли четыре ребенка и многодетная мать. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/yaroslavskaya-optimizaciya-7-roddomov-zakryto-umerli-4-rebenka-i-mnogodetnaya-mat/>

10. Улумбекова Г.Э. *Здравоохранение России. Что надо делать.* – М., 2015.

11. Деетев А.С. Суверенен ли российский бюджет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/suverenen-li-rossijskij-bjudzhet> (Дата обращения: 14.11.2015.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

рументы – например, резкий рост налоговых ставок в случае нахождения в офшорной юрисдикции весьма небольшой (порядка 15%) доли акций. Теперь «офшорные капиталы» предлагается амнистировать – не спрашивая об их происхождении и не взимая (пусть задним числом) никаких налогов, что для мировой практики беспрецедентно;

в) крайне неэффективным является использование богатейшего природно-ресурсного потенциала – в десятки раз ниже, чем в средне- и высокоразвитых странах¹². Более того, в то время как в мире усиливается «ресурсный национализм»¹³, в России под предлогом привлечения иностранных инвестиций и дополнительных средств в бюджет планируется и реализуется снижение доли государства в крупных добывающих компаниях («Алроса», «Роснефть» и т.д.)¹⁴;

г) отказ от использования хорошо известных в зарубежной практике инструментов контроля за трансграничным перетоком капитала генерирует отток финансовых ресурсов, исчисляемый многими десятками миллиардов долларов в год: в 2014 г. за рубеж было выведено 130 млрд долл., в 2015 г. отток составил порядка 60 млрд долл. Из них не менее трети – нелегальный отток, связанный с уклонением от налогообложения и наносящий бюджету ущерб размером до 1 трлн руб. в год¹⁵;

---

12. Глазьев С.Ю. *Несмотря на все проблемы, Россия самая богатая страна в мире.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusnovosti.ru/posts/375130>

13. Концепция «ресурсного национализма» подразумевает укрепление государственного суверенитета над природными ресурсами, что проявляется в более жестком контроле за участием иностранных компаний в разработке природных ресурсов; увеличении роли государственной собственности в этой сфере; экспроприации и национализации шахт и скважин в случае, если разработка ресурсов инвестором не укладывается в оговоренные сроки или не приносит ожидавшихся модернизационных эффектов (передачи технологий, рабочих мест для квалифицированного труда и т.п.). Причем подобные тенденции наблюдаются не только в странах третьего мира, но и в развитых странах: в Японии право деятельности в добывающих отраслях, включая инвестиции в их развитие, предоставляется исключительно резидентам; в Австралии для новых проектов в области добывающей промышленности или переработки сырья с инвестициями на сумму в десять и более миллионов австралийских долларов установлена проверка на соответствие национальным интересам и т.д. – подробнее см.: Кондратьев В.Б. *Ресурсный национализм и структура экономики.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=160351>

14. Прогнозный план (Программа) приватизации федерального имущества и основные направления приватизации федерального имущества на 2014–2016 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70308182/>

15. Глазьев С. *Преодолеть спад.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/almanac/material/preodolet-spad/>

д) продолжается аккумуляция в резервных фондах огромных по объему средств от продажи российских энергоресурсов, конвертированных в ценные бумаги иностранных государств. На 1 сентября 2015 г. совокупный объем средств Резервного фонда составил 4,7 трлн руб., или 70,7 млрд долл. (6,4% ВВП), в предшествующие годы объемы не допускаемых в российский бюджет средств были в основном на аналогичном и даже более высоком уровне¹⁶. Но при наличии таких резервов Россия постоянно заимствует, причем под проценты, существенно более высокие (порядка 7% годовых), нежели те, что получает на упомянутые выше ценные бумаги (порядка 0,5–1%). В результате огромные средства уходят на обслуживание госдолга: если в 2012 г. это были 32 млрд руб. (что соответствовало суммарным расходам бюджета на ЖКХ, культуру и кинематографию)¹⁷, то в 2014 г. – 415,6 млрд руб.¹⁸;

е) наконец следует отметить такое типичное явление, как внедрение в систему исполнения бюджетных назначений посреднических, по сути, паразитических структур, отвлекающих на себя существенную часть средств, предназначенных для финансирования социальных отраслей, предприятий реального сектора экономики и т.д. Так, до 40% средств ОМС уходит на содержание страховых компаний и оплату банкам за проведение транзакций – перечисление медицинских учреждениям положенных им средств за оказанную медицинскую помощь¹⁹. Другой пример – формирование задолженности регионов и муниципалитетов перед коммерческими кредиторами, в том числе иностранными: на 1 января 2015 г. совокупный долг субъектов РФ и муниципальных образований составил более 2 трлн руб., при этом около 27 млрд руб. – долг перед зарубежными кредитными учреждениями²⁰. Когда во многих регионах уровень задолженности достиг критической черты, было принято решение выделить им льготные бюджетные кредиты – на обслуживание (даже не погашение) кредитов коммерческих. Таким образом, вместо своевременного направления средств задыхающимся от социальных обязательств

---

16. Информационное сообщение Министерства финансов РФ от 3 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/performance/reservefund/statistics/volume/index.php#>

17. С. Степашин: Пост госдолга является риском для бюджетной системы РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/rbcfreenews/20130211130411.shtml>

18. Госдолг России вырос на 92% – Татьяна Голикова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/23_623

19. Механик А. Пирамида Семашко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2011/30/piramide-semashko/>

20. Фалыхов Р. Не размазать тонким слоем. – <http://www.gazeta.ru/business/2015/02/24/6425197.shtml>

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

субъектам РФ, бюджетные ресурсы направляются в далеко не бедствующий банковский сектор, в том числе зарубежный.

Представляется, что только перечисленных неиспользуемых резервов пополнения казны, а также примеров непродуктивного отвлечения бюджетных средств и потакания выведению материальных ресурсов за рубеж более чем достаточно для того, чтобы решительно не согласиться с выдаваемым за аксиому утверждением о «нехватке» бюджетных средств. И, соответственно, с теми затрагивающими социальную сферу мерами, которые, основываясь на этой «аксиоме», подаются как неизбежные.

Таким образом, сложившийся в России уровень избыточного неравенства является, с одной стороны, тормозом экономического роста, а с другой – мотором депопуляции. При этом даже в случае экономического роста, но без снижения дифференциации доходов, принципиально решить проблему избыточного неравенства и порождаемых им негативных эффектов невозможно. Соответственно, никаких иных способов снижения избыточного неравенства и масштабов бедности до нормальных величин, кроме хорошо известных механизмов перераспределения доходов (прогрессивного налогообложения доходов, имущества, средств от наследования и дарения и пр.), не существует.

Прямое или опосредованное сокращение социальных расходов или, как минимум, их консервация на низком уровне отнюдь не является адекватным ответом на кризис. Следование подобной парадигме – не заблуждение, а идеологическая установка. Очевидность этого вывода подтверждается уже тем, что тезис о негативном влиянии социальных расходов на экономический рост неоднократно опровергнут, причем как авторитетными международными исследованиями, так и различными заслуживающими доверия рейтингами, в топ-листе которых обязательно присутствует «великолепная скандинавская четверка» (более полувека реализующая наиболее затратную универсальную модель социального государства). Более того, можно говорить об искусственном характере бюджетного дефицита: без каких-либо объективных причин в России не используется широкий арсенал методов, позволяющий мобилизовать в государственный бюджет существенный объем финансовых ресурсов, не применяются хорошо известные за рубежом меры, пресекающие отток капитала или непродуктивное использование имеющихся средств и активов. Все это приводит к выводу: в современной России отсутствуют условия, которые вынуждали бы политико-экономическую элиту считаться с интересами других социальных групп и не позволяли бы ей преодолевать экономический кризис исключительно за счет населения.

Литература

1. Милль Дж.Ст. Основы политической экономии. Т. 1–3. – М., 1980–81.
2. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: Неисследованные взаимосвязи. – М., 2009.
3. Canto V., Jones D. and Laffer A. Tax rates, factor employment, market productivity and welfare / Canto V., Jones D. and Laffer A. (eds.) *Foundation of Supply-side Economics*. – N.Y.; Academic Books, 1983.
4. Kell M. Top Rate Tax Cuts, Incentives and Revenue // *Economic Review*, 1988, September.
5. Mishra R. *The Welfare State in Crisis*. – Brighton, 1984.
6. Rothstein B. *Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*. – Cambridge, 1998.
7. *Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment* / Ed. by Girod R. et al. – Basingstoke; L., 1985.
8. Taylor-Gooby P. *Social change, social welfare and social science*. – N.Y., L., 1995.